

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

"RUSSIAN LIFE"

2458 SUTTER ST.

San Francisco 15, Calif.

Editor: WALnut 1-5381.

Office: WALnut 1-5380.

RUSSIAN LIFE

Daily Morning News except
Sunday, Monday & Holidays

Entered as second class matter
Aug. 5, 1921, at the Post Office
at San Francisco, Calif. under
the Act of March 3, 1879

VOL. XXXI.

№ 3210.

Суббота, 25-го сентября 1954 года.

SEPTEMBER 25 1954.

COPY 15 C.

ЧЕХОВ

Конечно, вполне естественно, чтоносящее его имя издательство отметило 50-летие со дня смерти А. П. Чехова выпуском посвященной ему книги.*) И более чем уместно то, что автором книги является его младший современник Б. К. Зайцев — талантливый представитель той редкой «стаи славных», которая и в изгнании продолжала творчество, верное традициям подлинной русской литературы.

Чехов... Еще при жизни писателя его имя было окружено ореолом симпатии широких читательских масс, — в противоположность модным Леонид у Ан

дрею, Горькому, — в Чехове чувствовалась то подлинное и большое, что приобщает его творчество к крупнейшим мировым именам. И как медленно распознается масштаб его творчества и определение его места в мировой литературе. Четверть века тому назад праздновалось 25 летие со дня смерти нашего писателя и в Белграде я издал небольшую работу покойного профессора Е. В. Снегторского, в которой автор с присущей ему добросовестностью приводит примеры недостаточной оценки Чехова:

«Буренин ставил ему в вину

что он не так гениален, как Толстой. Розанов пожимал плечами: «Чехов?» — ничего особенного. Что Чехов? — Гладел на жизнь, что видел, то и записал.

Для Михайловского Чехов — «даром пропадающий талант», а не писатель, а какой-то механический аппарат», безразлично и безучастно воспроизводящий «ласточку и самоубийцу, муху и слона, слезы и воду, красные и все прочие другие цветы».

Для Венгерова Чехов — чуждый «идейного творчества» и «объективно жесткий», «историк неврастенической расслабленности русского общества», для Скабичевского — изобретатель «мрачного десятилетия» 80-х годов, для Антона Крайнего — «последний певец разлагающихся мелочей», для Айхенвальда и Струве — писатель без мирозерцания для Амфитеатрова — внук Базарова, для Иванова — Разумника «самый эпохи общественного мещанства». И, наконец Ф. Батюшков сделал открытие, что «в конце концов» Чехов оказался бы всего ближе к партии конституционных демократов».

Все эти характеристики, — справедливо замечает Е. В. Снегторский, — более или менее удовлетворительно объясняют кое-какие второстепенные особенности творчества Чехова. Но они его далеко не исчерпывают. Они не объясняют, почему Чехова так любит русская читающая публика. Они не объясняют исключительного расположения к нему Толстого. Они не объясняют, почему вне России Чеховым зачитываются и его провозглашают не только русским Мопассаном, но даже «последним русским писателем (Nidden) и «первым европейцем в русской литературе» (Hans Halm).

С тех пор прошло еще четверть века и имя нашего писателя стало настолько популярным в мировом масштабе, что уже можно свободно прибавлять к нему эпитет — великий. И тем не менее, до сих пор нет полной оцен

ка содержит пятнадцать этюдов из разных этапов жизни и творчества нашего великого писателя и в целом дает то необыкновенно яркое изображение писателя, которое французы называют «литературным портретом».

Книга написана с большим знанием да иначе и не могло быть у такого чуткого и талантливого младшего современника, как Б. К. Зайцев, в памяти которого запечатлелись и личные встречи. Тщательно и любовно собран и обработан огромный материал, с тонким анализом проведены отражения личных переживаний писателя в его произведениях. И, конечно, только знатом биографа и можно объяснить то, что родословную Чехова он начал еще до 18-го века, от какого-то Евстратия. С этим можно не только не согласиться, но с той же бездоказательностью можно утверждать, что родоначальником нашего писателя был выходец из Чехии, дети которого стали называться — Чеховы. Кто в мещанских семьях помнил свою родословную дальше деда?

К тому же такой орнамент к жизнеописанию совсем не в стиле Чехова, так мастерски изображенного в книге Б. К. Зайцева. Ведь в «Чайке» Чехов словами Тригорина говорит восторженной Нице, представляющей писателя на колеснице: «Ну, что я, Агамемнон, что ли?» Легко представить улыбку Чехова и теперь; который сказал бы, вероятно, что он не Черчилль, чтобы вести свою родословную от какого-нибудь герцога Мальборо, или даже просто забираться корнями в 17-ый век.

А, в общем, это — отличная книга, с которой расстаешься с жалостью.

Н. Рыбинский.

*) Борис Зайцев. «Чехов», Литературная биография. Издательство имени Чехова, Нью-Йорк.